

Лян Циньнин*

Мой дед Лян Шумин

Как дед отнесся к погрому в своем доме во время «культурной революции»

В 1966 г., когда начатая Мао Цзэдуном «Великая пролетарская культурная революция» охватила всю страну, беда пришла в несчетное число семей. Дом деда тоже не избежал несчастий, которые несли погромы, творившиеся впадшими в раж «критики и борьбы» хунвейбинами.

В то время я был совсем маленьким, мне едва исполнилось два-три года, и тогдашние события не задержались в памяти. И только когда я подрос, то стал прислушиваться к тому, что старшие говорили о хунвейбиновских погромах, о конфискованном или преданном огню имуществе из дедовского дома в окрестностях Шичахая¹.

Как же относился дед к катастрофе, которую пережила его семья? Однажды я с любопытством стал допытываться у него: «Дедушка, вы рассердились, когда хунвейбины ограбили наш дом?» «Не сердился», – ответил дед. При всей простоте ответа поверить ему было не так-то просто.

Я тут же спросил: «Почему, дедушка?» Он не задумываясь ответил: «Они всего лишь пятнадцати-шестнадцатилетние дети. Разве можно на них сердиться?»

Лян Шумин и Мао Цзэдун. Яньань, 1938

* Лян Циньнин (梁钦宁), род. 1964 – внук Лян Шумина.

¹ Шичахай – знаменитый парк и район старой застройки в центре Пекина, к северо-западу от Запретного города, ныне популярная туристическая зона. Там находился дом Лян Шумина.

Эти несколько слов показывают, с каким бесконечным миролюбием и терпением дед относился к взлетам и падениям, с которыми сталкивался на жизненном пути. Как это близко тому, о чем говорил Конфуций: «Не гневался, не повторял ошибок»².

У американского синолога Г. Алитто были все основания для того, чтобы назвать моего деда «последним конфуцианцем»³. Дед всю свою жизнь был тем, кто «делает то, что знает, соединяет знание и действие»⁴. Есть хорошая поговорка: «Отношение определяет все». Не имеет значения, что происходит – важно то, что мы об этом думаем. Образ мыслей определяет поведение, а поведение – судьбу.

Видимо, именно потому кончина г-на Лао Шэ⁵, который во время «культурной революции» оказался в такой же ситуации, что и дед, и тоже был тесно связан с Шичахаем, оказалась столь непохожей на кончину деда.

Чем дед был недоволен

Когда дед писал письма, то пользовался кистью, хотя и никогда не учился каллиграфии – настолько серьезно он относился ко всему, что бы ни делал. Со временем у него иероглифы стали получаться красивыми как-то сами собой, в одно движение. Поскольку он был известным деятелем культуры, у его дверей постоянно толпились желавшие получить автограф. Домашние тревожились, что он сильно устает, уговаривали его писать меньше. Но он очень старался удовлетворить просьбы посетителей.

Помнится, как-то днем, во время обеденного перерыва, деду нанесли визит несколько иностранцев, и я попросил их подождать в гостиной. Через некоторое время дед вышел из спальни, где он отдыхал, и поздоровался с гостями. После обмена приветствиями они объяснили цель посещения и попросили «почтенного Ляна» осчастливить их собственноручным каллиграфическим шедевром. Тем временем я рассыпался в комплиментах «великому современному каллиграфу Ляну», давая деду возможность приготовить тушь и бумагу. Услышав мои слова, дед положил уже занесенную кисть, правой рукой хлопнул по футляру для письменных принадлежностей и, издав глухой щелкающий звук, резко осадил меня: «Малый, давай-ка обо мне по-проще!»

² Слова Конфуция о достоинствах его ученика Янь Хуэя. «Лунь юй», VI, 3. Цит. по: Переломов Л.С. *Конфуций. «Лунь юй»*. Москва: «Восточная литература» РАН, 1998. С. 341.

³ Американский востоковед Гай С. Алитто (Guy S. Alitto) назвал свою книгу «Последний конфуцианец. Лян Шумин и китайская дилемма современности» (*The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1979).

⁴ Концепция «соединения знания и действия» (*чжи син хэ* и 知性合一), предложенная неоконфуцианцем Ван Янмином (1472–1529), подразумевает единство познавательной и практической деятельности как условие нравственного совершенствования, исключаящее приоритет любой из составляющих этой диады.

⁵ Лао Шэ (老舍, 1899–1966) – псевдоним писателя Шу Циньчуня, выдающегося мастера реалистической и сатирической прозы. Считается, что он покончил с собой, не выдержав издевательств со стороны хунвейбинов.

Гости и я были шокированы его суровостью. Не было слышно ни звука, казалось, воздух загустел. Дед на мгновение задумался, но все же взялся за кисть, чтобы выполнить надпись для посетителей. Это был единственный случай, когда я видел, как он выказывает свое недовольство.

Моя любимая дедовская каллиграфическая надпись

Для меня дед сделал больше надписей, чем для других внуков. Некоторые речения были взяты у Чжугэ Ляна, другие из «Книги перемен», а какие-то из «Мэн-цзы»⁶. Но самую любимую мной надпись дед выполнил для меня на титульном листе книги господина Ван Жошуй «В защиту гуманизма»⁷, высказавшись от собственного имени: «Я хочу, чтобы ты стал мыслящим человеком, который действует, руководствуясь собственными идеями».

Эти слова взяты из предисловия к одной из самых важных работ деда – «Основы китайской культуры». Они правдиво характеризуют и его собственную жизнь.

«Тебе нравится – и ладно»

В середине 1980-х годов пришедшие с Запада танцы в стиле диско с их сильным ритмом и свободными позами и движениями очень понравились молодым людям, и я не был исключением.

Помню, как однажды летним днем после полудня, я пришел из школы в дом деда. После обеденного перерыва он расхаживал по гостиной. Я бросил школьную сумку и радостно подскочил к деду, чтобы показать ему разученный мной новый танец диско. Я вытягивал руки, дрыгал ногами, раскачивался влево-вправо и яростно крутил бедрами. После танца я спросил: «Дедушка, нравится?»

На самом деле, в глубине души я знал, что деда не могут интересовать наши детские забавы, но все-таки хотел из его уст услышать, что он думает о поведении молодежи. Дедушка левой рукой поправил очки, улыбнулся и сказал: «Тебе нравится – и ладно!»

Его ответ удивил меня, потому что в ту эпоху взрослые, по возрасту близкие моему отцу и деду, в основном относились отрицательно к нетрадиционным танцам,

⁶ Чжугэ Лян (诸葛亮, 181–234) – легендарный полководец эпохи Троецарствия (220–265), которому приписывается несколько популярных в Средние века произведений; «Книга перемен» («И цзин» 易经) – древний гадательный текст, вошедший в число конфуцианских канонов и ставший источником универсального инструментария описания законов мироздания; «Мэн-цзы» (孟子) – классический конфуцианский трактат IV в. до н.э., озаглавленный именем второго по значимости мыслителя конфуцианской традиции.

⁷ Ван Жошуй (1926–2002) – философ и публицист. В 1950-е годы участвовал в критике Лян Шумина. Впоследствии поставил вопрос о наличии отчуждения, в том числе экономического, при социализме, обосновывал роль гуманизма как не только антифеодальной, но и антибуржуазной идеологии. В 1987 г. обвинен в причастности к «буржуазной либерализации» и исключен из КПК. Умер в 2022 г. в Бостоне.

которые так полюбились нам, молодым, не могли принять их, даже испытывали отвращение и готовы были говорить об этом бесконечно.

Но те же взрослые, которые вначале яростно демонстрировали свое неприятие, теперь с утра до ночи без усталости танцуют на улицах и в переулках. И хотя в то время мой дед вовсе не был солидарен с молодежью в ее увлечениях, он тем не менее сумел наполнить одну короткую фразу таким духом терпимости, что она не только поразила и тронула меня, но и повлияла на мое последующее отношение к новшествам – руководствуясь принципами просвещенности, миролюбия и широты взглядов.

Завещание деда: следовать в русле мирового потока

В мае 1988 года госпожа Инь Пин, репортер тайваньского журнала «Юань цзянь»⁸, приехала в Пекин, чтобы взять интервью у деда. Моему отцу Лян Пэйкуаню⁹ (старшему сыну Лян Шумина) она сказала: «Я изучала книги почтенного Ляна, когда училась в колледже на Тайване, и всегда восхищалась его познаниями в области нравственности. А теперь я хотела бы просить разрешения повидать почтенного Ляна и сделать пару фотографий на память. Я не причиню большого беспокойства».

В то время деда уже положили на лечение в в Пекинскую больницу «Сехэ»¹⁰, и отец, тщательно рассмотрев просьбу госпожи Инь, все-таки согласился ее удовлетворить. 17 мая госпожа Инь Пин пришла в стационар госпиталя, чтобы провести краткую беседу с лежащим на больничной койке дедом. Я стоял рядом и наблюдал весь ход интервью. Продолжалось оно очень недолго, но выдалось непростым. Ему предстояло стать последним интервью, которое дед дал журналистам.

Впоследствии госпожа Инь Пин опубликовала в «Юань цзянь» статью, в которой написала об этом интервью: «17 мая я увидела его (Лян Шумина) на третьем этаже отделения для иностранных пациентов больницы «Сехэ». Он лежал на больничной койке, выглядел исхудавшим и изнуренным, веки его правого глаза были плотно сомкнуты, левый слегка приоткрыт. Его сын Лян Пэйкуань громко сказал ему на ухо, что я с Тайваня. Левый глаз на мгновение закрылся, руки под простыней слегка дрогнули».

Через некоторое время он повернулся лицом ко мне, жестом показал Лян Пэйкуаню, чтобы тот наклонился к его уху, и проговорил: «Тайвань, Чжэн Яньфэнь знаком со мной... еще Чжан Юэцзюнь¹¹...». Я сказала ему, что многие на Тайване читали

⁸ «远见» («Взгляд издалека»), в английской версии *Vision*.

⁹ Лян Пэйкуань (梁培寬, 1925–2021) – старший сын Лян Шумина, отец Лян Циньнина, работал заведующим редакционного отдела Института биофизики Китайской академии наук.

¹⁰ Пекинская больница «Сехэ» (北京协和医院 Peking Union Medical College Hospital) – известное медицинское учреждение, основанное в 1921 г. Фондом Рокфеллера. Имеет два отделения, в районах Дунчэн и Сичэн.

¹¹ Чжэн Яньфэнь (鄭彥棻, 1902–1990) – деятель Гоминьдана и Китайской Республики, был членом ЦИК и ПК ЦИК Гоминьдана, политическим советником «канцелярии президента» на Тайване.

Чжан Юэцзюнь, он же Чжан Цюнь (1889–1990) – видный деятель Гоминьдана и Китайской Республики, некоторое время занимал пост председателя Исполнительного юаня, на Тайване был госсекретарем и советником «президента».

его книги, и спросила, не хотел бы он сказать несколько слов для молодежи Тайваня и континента.

Он на мгновение задумался и с трудом выговорил: “Обратите внимание на традиционную китайскую культуру... Прочтите мои ‘Основы китайской культуры’”. Я снова попросила сказать что-нибудь о его надеждах в отношении молодежи на Тайване и континенте. На этот раз он ответил довольно быстро: “Мы должны следовать в русле мирового потока”. На остальные вопросы он, закрыв глаза, ничего не отвечал».

«Следовать в русле мирового потока» – это можно назвать последними словами деда, выразившими его чаяния по поводу ближайшего будущего мира и Китая.

Посмертный бой за поминальные надписи

Дед тихо завершил последний в своей удивительной жизни путь. Смерть человека должна определяться тем моментом, когда закрылась крышка гроба. Однако, что же поделатъ, если некоторые люди игнорируют истину, не осмеливаются прямо взглянуть в лицо истории. Они знают о своих ошибках, но не признают их, а потому и не исправляют.

Более того, кое-кто использовал жизнь деда, чтобы публично поиграть словами, поменять местами черное и белое, исказить и извратить историю. Из-за этого был упущен наилучший момент для восстановления истины в отношении правоты и неправоты сторон в произошедшем в 1953 г. споре по аграрному вопросу между моим дедом, тогда мало кому известным, и Мао Цзэдуном¹². Позже именно члены нашей семьи упорно боролись за то, чтобы ошибочные формулировки, касающиеся этого публичного дела, были вычеркнуты из жизни моего деда.

На этом фоне я и решил написать поминальное посвящение, которое, с одной стороны, должно было выразить мое восхищение и преклонение перед ним, с другой – ясно высказать презрение к тем, кто игнорировал историческую правду и думал, что может манипулировать мнениями всех людей. За день до церемонии прощания с телом моего деда (вечером 6 июля 1988 г.) я, дав знать о своем намерении родителям, в одиночку набросал тексты, нашел своего друга Чэнь Гуаньсиня и попросил его сделать каллиграфические надписи за меня. Он силен в живописи и каллиграфии, но поскольку иероглифы были очень крупные и писать на столе было неудобно, ему пришлось наклоняться до пола, чтобы, наконец, справиться с этим делом.

Первая надпись: *Сто лет превратностей судьбы, чтобы спасти страну и послужить народу.*

Вторая надпись: *Подвиги и проступки за тысячу осеней кому дано оценить и описать?*

¹² В 1953 г. Лян Шумин пытался убедить Мао Цзэдуна в том, что наиболее ущемленной социальной группой в стране является крестьянство, за что подвергся разгромной критике.

Горизонтальная надпись: *Становой хребет Китая*¹³.
Внук Циньнин приносит тебе поклон и оплакивает тебя.

На следующий день (7 июля 1988 г.) в ритуальном зале пекинского госпиталя состоялась церемония прощания. Я примчался туда пораньше и выбрал одно из самых заметных мест: дверь ритуального зала никак не мог миновать никто из пришедших принять участие в церемонии.

Когда я искал скамейку, чтобы повесить надписи, то столкнулся с двумя или тремя сотрудниками, которые пытались мне воспрепятствовать. В то время я был крепок, молод и энергичен, и меня было не остановить. Я схватил скамью и приготовился драться насмерть, шокировав моих оппонентов, которые тут же сдались, не решились повторить попытку помешать мне и позволили вывесить поминальные надписи. Но стали предупреждать всех, кто приходил, чтобы те воздержались от фотографирования и не сообщали об этой акции.

В тот день ранним утром небо было чистым и ясным, но вскоре после начала церемонии прощания появились тучи и заморосил дождь. В конце церемонии четверо солдат почетного караула вынесли гроб деда из зала и погрузили в катафалк. Во время кремации на кладбище Бабаошань¹⁴ внезапно хлынул ливень – словно потрясенные, Небо и Земля заставили плакать призраков и духов.

Мое поминальное посвящение деду сразу же привлекло внимание гонконгских и тайваньских СМИ, которые быстро откликнулись на него. Но материковые СМИ хранили молчание, ни словом не упомянув об этом.

Времена изменились. В последние годы многие наши друзья, вспоминая деда в своих статьях, часто касались и моего посвящения. Но большинство из них один из иероглифов в первой либо второй надписи писали ошибочно. Хотя разница была всего в один знак, но первоначальный смысл, заложенный в моих словах, менялся весьма заметно.

В первой надписи получилась такая ошибка: «Сто лет превратностей судьбы, чтоб послужить стране и послужить народу» – вместо иероглифа «спасти» (*цзо* 求) по отношению к стране повторен иероглиф «для», «служить» (*вэй* 为). Во второй надписи ошибка выглядит следующим образом: «Подвиги и проступки после тысячи оседей люди оценят и опишут» – вместо вопросительного «кому [дано]?» (*шуй* 誰) поставлено «после» (*хоу* 后). Неверный иероглиф во второй надписи еще более противоречит моим намерениям. Я посылая свой гневный клич тем, кто искажал историю, заявлял им о том, что правду нельзя победить. А ошибочный знак во второй надписи лишил ее силы, сделал слишком примирительной.

¹³ Две вертикальные поминальные надписи располагаются по сторонам дверного проема (первая, букв. «верхняя» – *шан* обычно слева, вторая – «нижняя», *ся* – справа), а обобщающая горизонтальная – сверху.

В горизонтальной надписи здесь была использована игра слов: в бинеме «позвоночник», «становой хребет» (*цзилян* 脊椎) последний иероглиф заменен омофоном – фамильным знаком Лян (*лиан*).

¹⁴ Бабаошань – привилегированное кладбище на западе Пекина.

Однажды я посмотрел по телевизору сериал «Затаившийся»¹⁵ и случайно узнал, что Мао Цзэдун в 1935 г. написал стихотворение «Куньлунь», в котором есть строка: «Подвиги и проступки за тысячу осеней будет ли кому-нибудь дано оценить и описать?»¹⁶

Более двадцати лет назад, еще не зная об этой строке, я написал поминальное посвящение деду, и одно предложение нечаянно совпало с ней – это ли не промысел Неба!

Перевод и примечания А.Г. Юркевича

¹⁵ «Затаившийся» («Цянь фу» 潜伏) – китайский сериал о событиях 1945 г., вышедший в 2008 г.

¹⁶ В русском переводе А.В. Панцова: «Кто может оценить, что сделал ты и как?» (Мао Цзэдун. *Облака в снегу. Стихотворения в переводах Александра Панцова*. Москва: Вече, 2010. С. 50).